

Т. Герцль

Сионистские статьи

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Т11

Т11 **Т. Герцль**
Сионистские статьи / Т. Герцль – М.: Книга по Требованию, 2021. – 192 с.

ISBN 978-5-458-15400-0

ISBN 978-5-458-15400-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Психологія Теодора Герцля.

Не легкая вещь писать о Герцлѣ.

Приходится бороться съ двумя трудностями.

Во-первыхъ, столько уже писалось о Герцлѣ, что рискуешь повторяться или сдѣлаться банальнымъ. А ничто не было столь противоположно духу Герцля, какъ повтореніе и банальность. Можетъ быть, мы, констатируя этотъ общеизвѣстный фактъ, уже намѣтили основную сущность Герцлевской души. Ибо, говоря между нами, сколько людей имѣется, которые не переносятъ повтореній и банальностей? Сколько индивидуумовъ имѣется, которые какъ бы чудомъ вызываютъ лишь единственное, творческое, еще никогда не существовавшее? И, вѣдь, только эти богоподобные индивидуумы — цѣльные люди, про которыхъ легенда рассказываетъ, что они созданы по образу Божію. Познать душу такихъ людей значитъ опуститься въ глубочайшія глубины человѣческой психики, подняться на самую высокую вершину человѣческаго духа. Это — не легкая задача.

Вторая трудность лежитъ въ насъ самихъ.

Нашъ вѣкъ — эпоха изломанныхъ людей, половинчатыхъ и двойственныхъ. Ничего цѣльнаго.

И особенно мы, евреи. Купцы и диллетанты, половинчатые евреи и половинчатые люди, мыслители безъ воли и работники безъ мысли, набожные рабы и рабскіе богоборцы, хассидскіе мионагды и миснагидскіе хассиды, національные ассимиляторы и ассимилированные націоналисты, революціонеры въ реакціи и реакціонеры въ революціи, мы самые древніе и самые юные среди людей — мы вовсе не можемъ оцѣнить личность Герцля, которая явилась намъ какъ бы изъ совершенно чуждаго и невѣдомаго намъ міра, не то какъ отголосокъ давно минувшихъ дней, не то какъ предвѣстникъ эпохи, скрытой еще въ утробѣ времени. Лишь цѣльные люди могутъ понять и проникнуть дѣйствительную личность, лишь цѣльные евреи отгадаютъ душу великаго еврея — Герцля. Мы же, евреи голуса, осуждены оставаться на поверхности. Лишь возрожденное еврейство въ Палестинѣ, которое возсоздастъ своего Бога и свой храмъ, сможетъ сказать новое слово о нашемъ покойномъ вождѣ. Ибо прежде всего *Герцль былъ рѣшительнымъ отрицаніемъ голуса и голуснаго еврейства*. Поэтому мы, связанные тысячами нитями съ голусомъ, не въ состояніи понять его цѣликомъ, охватить всю его душу.

И въ то же время *психологія Герцля — проблема всего еврейства*. Въ этомъ, вѣдь, и состоитъ особенность великихъ личностей, что въ нихъ отражается, какъ въ зеркалѣ, вся душа ихъ народовъ. И мы должны попытаться снять покрывало съ великихъ людей, чтобы понять насъ самихъ. Этого мы мо-

жемъ достигнуть лишь окольнымъ путемъ: пытаюсь объяснить психологию Герцля, не изолируя его, а помѣстивъ его въ центрѣ еврейства; мы должны пойти отъ народа къ его герою, выводя индивидуальное изъ общаго.

I.

Чѣмъ характеризуется положеніе евреевъ въ концѣ XIX-го столѣтія?

Прежде всего — отсутствіемъ единства. Народъ, который въ продолженіе многихъ вѣковъ представлялъ одно цѣлое и недѣлимое, обладавшее единымъ сознаниемъ и единымъ идеаломъ, раздробился на куски, разорвался на части. И при этомъ случилось нѣчто небывалое. *Другіе* продолжали разсматривать еврейство, какъ недѣлимое цѣлое, а сами евреи отрицали свое единство. *Другіе* дѣлали французскаго и нѣмецкаго еврея отвѣтственнымъ за русскаго и польскаго еврея, и обратно. А мы не переставали увѣрять весь міръ, что мы, какъ единый народъ, умерли. Уже этотъ одинъ фактъ бросаетъ яркій свѣтъ на внутреннее состояніе еврейства въ XIX столѣтіи. Особенно, если мы примемъ во вниманіе, что въ это же время всѣ другіе народы дѣлали самыя героическія усилія, чтобы собрать свои разсѣянные и разъединенныя части, что вся жизнь тогдашней Европы была наполнена стремленіемъ различныхъ народовъ къ національной консолидаціи, что именно тогда нѣмцы, итальянцы, славяне особенно интенсивно подчеркивали свое сознаніе національнаго единства. И лишь евреи, вѣками представлявшіе

самую крѣпкую внутреннимъ единствомъ народность, начали теперь разрушать ее. Одно изъ двухъ: или это отрицаніе народнаго единства было искреннее, тогда это обозначало смертный приговоръ цѣлой націи, или же этотъ крикъ былъ внутренне фальшивый, тогда это была отвратительная ложь, которая должна была окончательно уничтожить еврейское достоинство. Смерть или позоръ — другого исхода тогда не было. Въ обоихъ случаяхъ Израиль представлялъ печальную картину, вызывавшую у однихъ чувство глубочайшаго презрѣнія, а у другихъ — жестокой гнѣвъ. Презирающіе прибѣгали къ крещенію и нерѣдко становились въ ряды антисемитовъ; гнѣвные слѣпо хватались за фактъ, который, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ на глазахъ всѣхъ засвидѣтельствовать, что Израиль живъ: они шли въ Палестину и говорили о возрожденіи храма... съ больными душами и изможденными тѣлами.

Но огромное большинство еврейства было захвачено въ сѣти отвратительной лжи, вслѣдствіе которой и народъ и еврейская личность должны были погибнуть. Ложь выражалась не только въ отрицаніи собственной народности, но и въ отрицаніи собственныхъ цѣнностей. Вся новая «система» коренилась, однако, не въ индивидуальномъ, какъ это обыкновенно думаютъ, не въ злыхъ «кассимилаторахъ», а въ народной душѣ, въ стремленіи всего народа къ человѣческому достоинству. Стало невыносимо жить народу, какъ народу, безъ достоинства, безъ чести, безъ человечества — въ вѣкъ

провозглашенія «правъ человѣка». И чтобы добиться этого общаго достоинства, евреи начали отрицать свою народность и отталкивать свои цѣнности. Евреи стали «достиженцами»: они старались достигнуть хоть какого-либо достоинства, разъ была потеряна вѣра въ собственное достоинство — въ достоинство далекаго прошлаго и невидимаго будущаго. Это и есть истинная характеристика жизни еврейства въ XIX столѣтіи. Мы уже очень давно потеряли вѣру въ *дѣйствительный* самотворящій мессіанизмъ, а затѣмъ мы начали терять вѣру въ пассивны́, чудесами вызванный мессіанизмъ. Еврейство угрожало превратиться въ застывшую традицію — не въ жизнетворящій миѳъ, а именно въ традицію надгробной плиты.

И, вѣроятно, весь «еврейскій вопросъ» былъ бы окончательно похороненъ — вмѣстѣ съ евреями, если бы рѣчь шла о болѣе молодомъ, о менѣе кристаллизированномъ народѣ, чѣмъ еврейство. То, что называютъ еврейской *расой*, о которой говорятъ, что она очень упорна и вынослива, — не что иное, какъ кристаллизованная, въ гранитъ превратившаяся культура, ибо расы — продуктъ исторіи. Еврейская раса — продуктъ древнееврейской культуры, зафиксированной вѣками. А эта культура не легко уничтожается. Она-то не дала еврейству умереть. Но живущее еврейство все-таки страдало отъ отсутствія новыхъ цѣнностей, полнаго достоинства и нормальной жизни. И, такимъ образомъ, образовался жгучій еврейскій вопросъ — для насъ прежде всего, но и для правительствъ, и для наро-

довъ, и для всего человѣчества. Ибо великая ложь не помогла: для другихъ мы остались тѣмъ, чѣмъ были — единымъ, хотя и своеобразнымъ народомъ.

Изъ этой среды вышелъ нашъ Герцль. Но чтобы понять его, мы должны предпослать еще два замѣчанія.

Надо разъ навсегда помнить, что ненормальность еврейства коренилась не въ индивидуальномъ, а въ социальномъ. Вопросъ шелъ прежде всего не о томъ, чтобы создать здоровыя еврейскія индивидуальности, а рѣчь шла и идетъ донинѣ объ оздоровленіи еврейскаго народа, какъ народа. И лишь хассидско-декадентствующіе евреи могутъ утверждать, что весь еврейскій вопросъ — вопросъ еврейской индивидуальности. Какъ разъ наоборотъ: послѣдняя была изломана потому, что весь народъ страдалъ въ своей соборности. И не надо забывать, что іудаизмъ — настоящій, историческій, палестинскій — былъ всегда социальнымъ, который мыслилъ и чувствовалъ себя, какъ «мы», а не какъ «я». Іудаизмъ обозначаетъ социальное счастье, въ противоположность христіанству, которое обозначаетъ индивидуальное спасеніе. Въ соборности іудаизмъ вообще не мыслимъ: въ атомизированномъ состояніи онъ превращается въ бездушную обрядность, или въ безразличную этику. И когда зашла рѣчь о возрожденіи іудаизма, необходимо было опереться на историческій іудаизмъ, носителемъ котораго является вся еврейская народность — Израиль, — а не индивидуальность, даже если она воплощена въ Моисеѣ.

Второе замѣчаніе относится къ психологійи еврейства конца прошлаго столѣтія. Американскій генераль Джефферсонъ высказалъ разъ слѣдующую мысль: всякій человѣкъ имѣеть два отечества—свое и Францію. Если это вѣрно въ примѣненіи ко всѣмъ народамъ недавнихъ временъ, когда всѣ ожидали спасенія отъ «галльскаго пѣтуха», то это было еще болѣе примѣнимо къ еврею того времени. Евреи искренне вѣрили въ то, что они, наконецъ, получаютъ желанное достоинство, благодаря тому, что «благородная Франція» прокламировала «права человѣка» и еврея. Вѣдь не только энциклопедисты, но даже Наполеоновскіе пренадеры разрушали стѣны гетто, куда бы они ни являлись. И увѣровали евреи въ дарованныя достоинства, глядя на «великую Францію». Вѣра въ нее была такъ велика, что даже пророчески-прозорливый Гессъ былъ увѣренъ, что Франція поможетъ евреямъ возродить Сіонъ и еврейскую націю. Развѣ Наполеонъ, подъ стѣнами Акко, не обѣщаль этого евреямъ? Развѣ Лагаранъ не взываль къ евреямъ и къ *французамъ*, чтобы они взяли за возрожденіе еврейскаго Сіона? Но во всякомъ случаѣ ни одинъ еврей не сомнѣвался, что ужъ человѣческое достоинство онъ навѣрное получитъ, благодаря Франціи, которая гарантировала за всѣ другіе народы. Всѣ они послѣдуютъ за великой учительницей. И это успокаивало, убаюкивая мысль, облегчая страданія и осмысливая жизнь. И вдругъ во Франціи раздается грозный крикъ: *A mort les juifs* — отъ Калэ до Марселя, отъ Бретани до Вогезовъ. И вдругъ — «афе-

ра» Дрейфуса со всѣми ея ужасами, вскрывшая всю подоплеку дарованнаго достоинства. То, что случилось во Франціи, было хуже погрома: это былъ крахъ цѣлой системы вѣрованій, это была потеря почвы подъ ногами, это былъ моментъ великой переоцѣнки цѣнностей. Создалась новая атмосфера съ необычайно высокой температурой, въ которой драгоценные металлы очищались отъ шлаковъ и случайныхъ примѣсей.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній мы легче сможемъ понять сущность психологіи Герцля. Отрванный отъ среды, которую мы только что нарисовали бѣглыми штрихами, онъ совершенно неуловимъ: тогда онъ превращается въ непонятное метеорообразное явленіе. Тогда было бы непонятно и его вліяніе на современное еврейство.

II.

И въ самомъ дѣлѣ: какъ объяснить огромное вліяніе, которое Герцль имѣлъ на еврейство — прямо и косвенно? Онъ не былъ филантропомъ, какъ сэръ Монтефіоре, баронъ Гиршъ и баронъ Ротшильдъ. Онъ навѣрное не обладалъ еврейскими знаніями Смоленскина и Ахадъ-Гаама. Онъ въ началѣ не могъ опираться на овое самопожертвованіе, какъ первые палестинскіе піонеры-билуицы. Какъ же это случилось, что онъ взволновалъ все еврейство? Какимъ чудомъ? Своей брошюрой, носившей многообѣщающее заглавіе: «Ев-

рейское государство»? Но и до него писались подобныя брошюры.

Если мы припомнимъ, какъ становятся вождями массъ, то мы должны будемъ сказать: двумя основными свойствами долженъ былъ обладать Герцль, чтобы стать *Герцлемъ*, вождемъ народнаго движенія въ еврействѣ. А именно: *оригинальнымъ мышленіемъ и энергичной активностью*. Но необходимо ясно себѣ представить, о чемъ тутъ рѣчь идетъ. Народопотрясающая мысль должна быть не только оригинальной, но прежде всего она должна соотвѣтствовать самымъ задушевнымъ чаяніямъ массы, она должна формулировать ея идеаль и ея тоску. Мысль должна исходить изъ народа и возвращаться къ народу. Однимъ словомъ, она должна возникнуть на почвѣ общественности, охватить прошлое, настоящее и будущее народа. Лишь глашатаи такихъ идей могутъ сдѣлаться народными вождями. Поэтому Александръ Великій — носитель панэллинистской идеи, Наполеонъ, Кавуръ, Бисмаркъ сдѣлались двигателями массъ. Они были истинные носители соотвѣтственныхъ народныхъ идеаловъ. Не Александръ Великій выдумалъ панэллинизмъ и не Бисмаркъ изобрѣлъ идею германскаго объединенія. Они лишь придали идеалу, созданному народомъ, конкретную, осязательную формулировку.

Такъ было и съ Герцлемъ. Идеаль конкретнаго мессіанизма (красной нитью проходитъ черезъ всѣ вѣка нашей исторіи со времени разрушенія перваго храма. Герцль пришелъ и конкретизировалъ этотъ идеаль въ популярной для массы формѣ: «Еврей-

ское государство». При этомъ мысль должна быть высѣчена въ камнѣ: просто, но массивно, всѣмъ понятно и всѣмъ доступно. Геніальность безъ наивности немыслима. Мысли генія, какъ мысли Бога: коротки, просты и понятны. Лишь позже выясняется, что эти мысли далеко не просты и не коротки. Это дѣло эпитоновъ. Но это уже не социальное и не геніальное мышленіе.

Величіе мысли Герцля и основа его психологій въ этомъ: онъ мыслить за народъ и вмѣстѣ съ народомъ; онъ мыслить социально-еврейски. Онъ стремился не къ тому, чтобы сдѣлать еврейскую личность *великой*, а онъ хотѣлъ сдѣлать народъ *счастливымъ*. Въ своемъ мышленіи онъ былъ самый еврейскій еврей, истинное воплощеніе нашего народно-историческаго идеала, или какъ теперь выражаются, онъ былъ наиболѣе совершеннымъ представителемъ еврейской расы. Смѣшно желать объяснить Герцля извнѣ. Дѣло Дрейфуса, антисемитизмъ Франціи — не причина, а лишь окружающая атмосфера. Онъ не благодаря антисемитизму сдѣлался сіонистомъ — тогда онъ не могъ бы стать народнымъ вождемъ, — но онъ раньше былъ евреемъ, цѣльнымъ историческимъ евреемъ, вѣрнымъ сыномъ Богомъ созданнаго и боготворящаго народа. А оригинальнѣйшей чертой *историческаго* еврейства было, какъ мы выяснили это въ другомъ мѣстѣ, слѣдующее: *все или ничего*. Голусъ развилъ въ нашемъ народѣ противоположную черту: оппортунизмъ, руководящійся принципомъ — *хоть что-нибудь*. Въ Герцлѣ пробудилось историческое,